

**Л. УЛИЦКАЯ «ЛЕСТНИЦА ЯКОВА»
(к дискуссии о судьбе жанра романа в современной литературе)**

В статье дается эстетический анализ романа Л. Улицкой «Лестница Якова» (2015) в рамках дискуссии о судьбе жанра романа в современной русской литературе. Автор polemизирует с позицией критиков о «смерти романа» и замене романного формата клиповыми разновидностями малых жанров. Рассмотренный в русле других произведений прозы 2000-х годов, роман Л. Улицкой демонстрирует высокую степень эстетической новизны в жанре поэтики романа и способах реализации романного эпического повествования. В статье делается вывод о том, что прогнозы о «смерти романа» преждевременны.

Ключевые слова: Вавилонское столпотворение, метаморфозы жанра, формотворчество, принцип циклизации.

S. Timina

**LUIDMILA ULITSKAYA «JACOBS LADDER»
(to be referenced in the discussion about the fate of the novel genre in modern literature)**

The article gives esthetical analysis of Liudmila Ulitskaya's novel «Jacob's Ladder» (2015) within the frameworks of discussion over novel's fate as genre in modern Russian literature. The author of the article enters into polemics with modern critics' opinion of «death of novel as genre» and replacement of novel as it is by fragments of small genres. Ulitskaya's novel which was studied in line of other literary works of 2000s demonstrates high degree of esthetical breakthrough in novel poetics and ways of epic poetic narration in novels. The article resumes that anticipation of «death of novel as genre» is premature.

Keywords: the Babel, genre metamorphosis, artistic literary search, rule of cyclus.

Вряд ли можно считать случайными ассоциациями, которые возникают между названиями научной монографии С. И. Богданова «Вавилонское столпотворение и судьба человека» (СПб., 2016) и нового романа Л. Улицкой «Лестница Якова» (М., 2015). В научном исследовании профессора-филолога и концепции современного писателя может быть обнаружена и сформулирована связь, при которой судьба человека оказывается вписанной в орбиту вселенского потрясения.

Литературоведение начала XXI столетия проявило крайнюю обеспокоенность судьбами жанра романа. «Смерть романа», а именно так формулировались эти опасения, подтверждаемые еще не зажившими «ранами», нанесенными усилиями постмодернизма, а также мощными атаками малых жанров, активно заявивших о себе как о

замене романного формата клиповым содержанием рассказов, повестей, эссе и т. д.

Вопреки печальным прогнозам, начало XXI столетия дает основание наблюдать активизацию романного жанра, сопровождающуюся подлинным многообразием эстетических новаций и, главное, сохраняющего в себе жанровую доминанту романного повествования: воссоздание мира в его стереоскопической глубине и эпичности.

Наша задача — обнаружить и обозначить главные аспекты этого процесса на примере романа Л. Улицкой «Лестница Якова», который в высокой степени эстетической энергии и новизны вписывается в современный литературный процесс и убедительно доказывает, что роман сегодня жив. Жанр обновляется, его *эпический диалог с миром* продолжается в ситуации поиска новых форм, в самой сути жанровой структуры.

На страницах романа «Лестница Якова» возникает наш причудливый век, являя собой картину истинного столпотворения событий и лиц. В этом мире уживаются Карл Маркс и Зигмунд Фрейд, Станиславский, Андрей Белый и Николай II, Островский, Рахманинов, Григ, Ибсен, Чехов. Мир буквально обрушивается своими глобально связанными и столь же глобально разорванными связями на героев романа. В вековую длину сюжета вписываются истории войн, революций, советской эпохи. На этом фоне — множество лиц и судеб. Персонажи романа, современники XX столетия, своими разнообразными, неповторимыми судьбами делают художественное полотно романа глубоким, многоцветным, нравственно и психологически в высшей степени поучительным.

Сплетение судеб в романном тексте — историческое, географическое, событийное, временное — поистине уникально.

Текст романа своей историко-философской концепцией погружает читателя в глубину осмысления времени, уже поименованного историками как «непредсказуемый XX век». И хотя в произведении нет прямых отсылок к библейским мотивам (исключение — прямой мотив, внесенный в заглавие!), образ главного героя, преодолевающего высоту своей жизненной лестницы, прочерчен красной линией сквозь все многостраничное романное полотно и вызывает в памяти иные миры как переключку веков, несущих в себе опасную громаду столпотворения.

Вавилонскому столпотворению и фантазийному изображению Вавилонской башни посвятили свои работы художники разных эпох, школ и направлений.

Помимо разнообразия самих моделей башни, от ранних эпох до современности, многие художники вводят в сюжеты картин фигуры ангелов, строителей, просто человеческие силуэты людей, с трудом взбирающихся по лестнице на громадную высоту, как бы преодолевая земное притяжение. Таковы замечательные полотна Му-

рильо «Сон Иакова, или Лестница ангелов» (XVII в.), У. Блейка «Сон Иакова» (XVIII в.), таковы древнерусские и византийские иконы «Лестница Иакова» (XVI в.), «Лестница райская» (XII в.). Исторические судьбы людей в их тяготении к постижению высоких истин, к преодолению земного, возможно греховного тяготения, в великих полотнах художников становятся священной идеей.

Драматичная эпоха XX столетия воссоздается в романе Л. Улицкой как время, которое ставило перед личностью испытания разного плана: деформация, ломка, перерождение или сохранение целостности духовного мира. Образ «лестницы» современного, нелегандарного Якова нарисован в романе как этапы противостояния жесткому давлению времени сохранением человеком качеств духовной красоты, силы, интеллектуальной содержательности, человеческого достоинства.

Благодаря найденному «сундучку Якова» (а это факт реальности), сохранившему страницы его личной переписки с женой, длившейся десятилетия, рукописей, вырезок из газет, дневниковых записей, несущих в себе подлинность раскрытия духовных переживаний, происходит чудо художественного возрождения удивительной личности, движущейся вверх по лестнице жесточайших испытаний, мир которой активно противостоит насилию.

В спор, который велся на стыке XX–XXI веков между уходящим постмодернизмом и его противниками о «смерти автора», а заодно и положительного героя, роман Л. Улицкой убедительно вводит образ героя, суть которого раскрывается в эстетически высоком поле. Герой проходит ступени эпохи войн, революции, карательных мер, сохранив человеческое достоинство. На фоне других романов-разочарований (С. Минаева «Духлес. Повесть о ненастоящем человеке», С. Бабаяна «Без возврата. Негерой нашего времени») читатель знакомится с иной, возвышенной структурой личности, рожденной в стихии «Вавилонского столпотворения».

Самораскрытию душевного спектра переживаний героя служат тексты лирических писем к жене, посланных из разных мест заточения. Красота и подлинность эпистолярного цикла, доносящая интонационную близость и раскрывающая его внутренний мир, — очень важная эстетическая доминанта романного повествования.

Концепция смятенного XX столетия потребовала введения огромного спектра как событий, так и участников этих событий, современников века. Яркое, многокрасочное полотно романа создает сложный рисунок разнообразных жизненных историй на фоне центральной идеи произведения: восхождение по лестнице жизни, уровни «низа» и «верха» этого восхождения. У каждого из персонажей своя «лестница жизни», разная высота преодоленного пространства, включая трагические ситуации оказаться на дне пропасти.

Важное место в концепции и композиционном развитии романа занимает героиня Нора, внучка и по существу преемница наследия Якова. Она — «связной» между всеми Осецкими, как бы всей своей жизнью обобщая и наследуя все ими пережитое, Нора как человек искусства, художник по профессии наделена особым «зрением». Она тонко различает в окружающем мире все оттенки плохого и хорошего, черного и белого, мир временами видится ей огненно-красным. Интеллектуальное и душевное устройство позволяет ей увидеть и пережить свое время во всех оттенках. Автор доверяет ей право на ключевые выводы: «Постановка спектакля рождалась из обсуждения и споров о самом существенном — границе, где человек становится животным, а животное человеком, и в чем, собственно, заключается их различие» (с. 157). В финале романа героиня перебирает архивы, плачет, смеется, недоумевает, подводит итоги жизни Якова: «История великой любви, история поиска смыслов, творческого отношения к жизни и невероятной страсти к знанию, к пониманию этого взъерошенного и безумного мира» (с. 703).

Создание романного эпического полотна потребовало предельной сюжетной широты и напряженности: в романе пятьдесят глав и эпилог. Кажущаяся «смятенная» композиция, при которой важным принципом выступает нарушение привычной хронологии как внутри глав, так и в их последовательности и непоследовательности (датировка глав вынесена в оглавление романа), намечает весь маршрут повествования от начала века до конца XX столетия.

При истинном столпотворении дат, героев, событий эта смятенность имеет глубокое обоснование, она подвижна внутренней композиционной и смысловой логикой. Принципы *циклизации текста* обретают под пером Л. Улицкой новые модификации, активно участвуя в создании целостного художественного полотна романа.

Современные авторы учитывают ожидания сегодняшних читателей эпохи мультимедийности, в том числе в ускорении темпов повествования. Этому отвечает, в частности, *циклизация*: введение в художественное полотно отдельных повествовательных частей, сравнимых с игровыми «пазлами», соединением которых воссоздается целостная картина. Л. Улицкая делает следующий шаг в овладении этим художественным принципом: она использует мощную, концентрированную энергетику циклизации в жанре романного повествования, при котором важен постоянный контакт с меняющимся миром в его скрещивании и столкновении времен. Писательница создает этим стереоскопичность жизненного пространства столетия в его эпической широте и противоречивости.

Роман «Лестница Якова» открывается эпиграфом из В. Набокова:

«...продленный призрак бытия
синеет за чертой страницы,
как завтрашние облака,
и не кончается строка».

Повествовательная новизна романа Л. Улицкой вбирает в себя уроки замечательного предшественника. Для нее, как и

для Набокова, нескончаемо пространство жизни в ее призрачных далях «завтрашних облаков». Набоковские слова «и не кончается строка» раздвигают до предела романский текст...

Открывая новые приемы и способы введения циклизированных пластов текста, писательница предельно точно находит им места, достигая при этом органической гармонии в структуре романного жанра и обеспечивая ему временные и концептуальные объемы, характерные для жанровой природы романа.

Искать поглавно прямые хронологические связи в тексте трудно и, пожалуй, невозможно. Структурный прием хронологического разобщения ритмично и последовательно пронизывается главами «Из сундучка Якова», «Из дневника Якова» и т. д. Их более десяти, они охватывают большой событийный и важный проблемный пласты романа, вносят перекрестную зависимость всей композиционной структуры текста.

Улицкая демонстрирует эстетические новации и возможности принципа циклизации. Панорама взрывного двадцатого столетия под ее пером разрушает последовательные ритмы. Исторические эпизоды в своей драматической разорванности вносят стилевую прерывистость, контрасты, в то же время соблюдая внутреннюю логику в движении к основному Смыслу романа.

Хронология глав, их последовательность — непоследовательность, напоминает партитуру большого музыкального произведения, его мелодирование, с перепадами тонов, паузами и мощными взрывами. Жанр романа как бы оркестрован, позволяет почувствовать, услышать основную тему и понять концепцию произведения. Яков профессионально относился к высокой классической музыке, он ее знал и любил, стилевая окраска текста являет собой глубинное погружение в психологию главного героя.

Казалось бы, для художественной литературы нехарактерным примером является эпилог романа, который представляет читателю подлинную генеалогию — «древо

семьи Осецких» из тридцати шести конкретных фамилий, с датами рождения и смерти, в огромном охвате жизненного пространства. Здесь же в финале аккордная деловая справка: «В этой истории использованы фрагменты писем из семейного архива и выписка из дела Якова Улицкого. Архив КГБ № 2160».

Аккордным сюжетным приемом, новыми красками, заполняющими циклизацию романного текста, служит содержание главы пятидесятой «Архив». Она содержит в почти документальной полноте описание изъятых при аресте Якова вещей: книг, рукописей, имущества: «Кровать железная, этажерка, радио», включая фотографию арестованного Якова: «Бритая голова, небольшие усы, плотно сжатый рот», а также подробности насильственного допроса. В этой же главе — переброс времен: Нора, уже современница двухтысячных годов, глядя на здание Лубянки, произносит приговор насилию: «Остановилась против этого чудовища. От этого адского монстра исходил гнусный и душный запах страха и жестокости, подлости и трусости. Почему не излился сюда небесный огонь?.. Почему не свершилась небесная кара и это адское гнездо стоит посреди безличного самовлюбленного города?» (с. 717).

В ведущихся в современной критике спорах о месте и роли в русской литературе моделей по принципу «правда» или «вымысел» (fiktion-non-fiktion) роман «Лестница Якова» демонстрирует высокую и достаточно новаторскую степень органического соединения этих составных вех искусства.

Смятенный и непредсказуемый XX век закончился в нашей литературе сложным десятилетием, вернувшим запрещенные цензурой шедевры, обогатив эмигрантским наследием литературу и культуру, активизировал полноту и разнообразие эстетических достижений столетия. В то же время, объявив войну идеологическим шаблонам, литература проходит период трудного испытания гиперусилиями постмодернизма.

Именно на фоне этого направления, сложившегося как классические традиции, так и саму поэтику и содержание литературы, зазвучали тревожные сигналы о «смерти романа», о потере писателями самого принципа «романного мышления».

Период слома на грани веков в истории нашей культуры дарил нам примеры ее принципиального обновления, рождения новых жанров, обогащения методов искусств. Яркий пример — наш Серебряный век. Сегодня есть реальная возможность с большой степенью надежды смотреть на эволюционные шаги современной литературы. И прежде всего — на возрождение жанра романа в его богатом типологическом разнообразии.

В нашей короткой статье можно лишь обозначить метаморфозы романного повествования в таких романах, как М. Шишкин «Венерин волос», «Письмовник»,

А. Иванов «Географ глобус пропил», Т. Толстая «Кысь», Л. Петрушевская «В садах других возможностей», В. Шаров «До и во время», Е. Водолазкин «Лавр», «Авиатор», Л. Улицкая «Даниэль Штайн, переводчик», О. Славникова «Москва 2017» и многих других. Значимость их эстетического поиска определяется обогащением романного жанра на пути воссоздания его главной доминанты: глубины и многообразия *эпического повествования*.

Такие аккордные художественные явления, как роман Л. Улицкой «Лестница Якова», дают серьезные основания для вывода о том, что прогнозы о «смерти романа» оказались преждевременными.

Роман — жив и более того — востребован.

Р. С. Роман «Лестница Якова» Л. Улицкой вышел тиражом 100 000 экземпляров, активно разошелся и, очевидно, потребует дополнения к тиражу.

А. Л. Вольский

POETA VATES VS. POETA DOCTUS: ПЛАТОН И АРИСТОТЕЛЬ

(Статья написана в рамках проекта 14-04-00065 «Человек эпохи модерна: герменевтика субъекта в немецкоязычной культуре XVIII–XX веков», поддержанного РГНФ)

Со времен античности в поэтике доминировали две теории сущности поэзии, предопределившие дальнейшую эволюцию поэтики. Согласно первой теории поэзия есть результат божественного вдохновения, согласно второй — продукт человеческого умения и знания. Исторически они восходят к Платону и Аристотелю. Сравнительный анализ этих концепций составляет основное содержание данной статьи.

Ключевые слова: Платон, Аристотель, поэт-пророк, поэт-ученый, вдохновение, поэтика.

A. Volskiy

POETA VATES VS. POETA DOCTUS: PLATO AND ARISTOTLE

Since the antique epoch there were two main dominating essence of the poetry theories in the poetics which predetermined its further evolution. According to the first theory which was established by Plato the poetry is a result of divine inspiration. The second theory which was introduced by Aristotle determines the poetry as a product of the human skill and knowledge. The main subject of this article is comparative analysis of those two poetry conceptions.

Keywords: Plato, Aristotle, poeta vates, poeta doctus, inspiration, poetics.